

УДК 930

DOI: 10.17223/1998863X/60/7

Н.С. Корнющенко-Ермолаева

ИДЕОЛОГИЯ VERSUS КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ? К ИСТОРИИ ДИСКУРСА

Представлен категориальный анализ понятий «коллективная историческая память» и «идеология». Раскрыто смысловое содержание и теоретическая ценность понятия «коллективная историческая память». Выявлены существенные отличия коллективной исторической памяти от идеологии, что позволило аргументированно показать, что в современном дискурсе не произошла подмена понятий, объясняемая сменой парадигмы от деидеологизации к коллективизации к коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная историческая память, официальная память, конвенциональность воспоминаний, национальная идентичность, абберации памяти.

В истории употребления понятия «память» на рубеже XX–XXI вв. наступает переломный момент, когда его содержание еще сохраняется в стабильном состоянии, а концептуальная структура уже подвергается радикальным преобразованиям и получает новое развитие. Понятие «память» начинает использоваться различными представителями социально-гуманитарного знания как составная часть термина, с которым образуются сложносоставные лексемы, такие как «социальная память», «культурная память», «коллективная историческая память» и др.

Начало процессу переосмысления понятия «память» дал французский философ и социолог Морис Хальбвакс (1877–1945), последователь Э. Дюркгейма, введя в оборот понятие «коллективная память». Основной идеей Хальбвакса является тезис о том, что носителем памяти может быть как отдельный индивид, так и коллективы – семья, социальная группа, нация в целом. Хальбвакс выдвинул идею, согласно которой и память отдельного человека, и память социальной группы социально детерминированы. В результате то, что на протяжении долгого времени было принято считать индивидуальным, оказалось на самом деле социальным. Исследования коллективной (исторической и культурной) памяти нашли свое продолжение в работах французского философа П. Рикера, немецкого историка и культуролога А. Ассман, французского историка П. Нора, немецких исследователей Х. Вельцера, Д.К. Олика и др.

Однако подобное контекстное словоупотребление М. Хальбвакса и его последователей в социогуманитарных научных исследованиях не было оценено академичным сообществом по достоинству и вызвало волну возражений и критики. Оппонентами М. Хальбвакса становятся американский писатель, критик и философ С. Зонтаг, немецкий историк и теоретик исторической науки Р. Козеллек, венский философ Р. Бургер, немецкий историк религии и культуры Я. Ассман, голландский философ Ф.Р. Анкерсмит и др. Основные претензии этих мыслителей к употреблению понятия «коллективная истори-

ческая память» можно свести к нескольким концептуальным положениям. Во-первых, они выступают против признания коллектива субъектом памяти. Воспоминания, по их мнению, принадлежат только индивиду и исчезают со смертью их носителя. На данном основании эти мыслители утверждают, что понятия «коллективная память» и «память нации» могут использоваться только как метафоры. Во-вторых, критики концепта «коллективная историческая память» солидарны в том, что «такого явления, как коллективная память, не существует» [1]. С. Зонтаг в книге «Когда мы смотрим на боль других» приходит к умозаключению: «То, что мы зовем коллективной памятью, – на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение <...>» [1]. В-третьих, эти мыслители утверждают, что во второй половине XX в. концепт «коллективная память» заменил собой понятие «идеология», т.е. в современном дискурсе произошла подмена понятий, объясняемая «сменой парадигмы от критики идеологии к коллективной памяти» [2. С. 28].

Таким образом, становится очевидным, что границы понятия «коллективная историческая память» не установлены, а сам концепт используется в разных смыслах, включая метафорические. В связи с этим вопрос об условности конструкта «коллективная историческая память» становится весьма актуальным. Именно поэтому необходимо прояснить смысловое содержание и теоретическую ценность этого понятия, последовательно ответить на возражения и критические замечания оппонентов и противников данного концепта, а также разграничить понятия «коллективная историческая память» и «политическая идеология».

До начала XX в. приписывание сознания коллективному субъекту было невозможно. Только для философии и социологии XX в. коллективное сознание становится той реальностью, онтологический статус которой не вызывает более сомнений. Стоит заметить, что при внимательном прочтении работ Хальбвакса происходит столкновение с еще одной терминологической трудностью. Она заключается в том, что мыслитель не только не отождествляет понятия «коллективной» и «исторической» памяти, но и различает их, поэтому в первую очередь необходимо разобраться с точками пересечения этих понятий. Хальбвакс утверждает, что главным референтом исторической памяти является нация, а носителями коллективной памяти выступают социальные группы. По мнению философа, индивидуальная и коллективная память прирастают историческим прошлым. «Если под исторической памятью мы понимаем ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история, то не она ли, не ее ли рамки являются основной частью того, что мы называем коллективной памятью?» [3]. Таким образом, понятие «историческая память» шире понятия «коллективная память», но в идеале историческая память растворяется в коллективной, тем самым расширяя ее временной горизонт. В современном философском дискурсе понятие «коллективная память» используется в двух разных значениях: как память различных социальных групп и как национальная или политическая память, связанная с коммеморативными практиками. В понятии «коллективная историческая память» зафиксирована ментальная способность коллективов, социальных групп и нации в целом сохранять и реконструировать воспоминания о совместно пережитом историческом опыте. Коллективная историческая память возникает в среде пространственной близости (одна страна), регулярной ин-

терактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний. Временной горизонт исторической памяти определяется сменой поколений (80–100 лет). «Это период одновременного сосуществования нескольких поколений (обычно их бывает три, в исключительных случаях – пять), которые благодаря непосредственному общению образуют сообщество совместного опыта, воспоминаний и нарративов» [2. С. 22]. Коллективная память представляет собой эволюционный процесс запоминания и амнезии, в который втянуты социальные группы общества.

Возникает закономерный вопрос: на каком основании противники концепта «коллективной исторической памяти» настаивают на том, что это понятие появляется в политико-философском дискурсе исключительно с целью подмены им понятия «политической идеологии»? Как создаются коллективные представления о прошлом и формируются национальные символы? Какую роль играют государство и политика в формировании коллективной исторической памяти?

В XX в. произошло кардинальное изменение способов функционирования политической идеологии, что позволило ей действовать «анонимно». В связи с этим некоторые обществоведы (Д. Белл, Ж. Фурастье, С. Липсет) начали говорить о «конце» идеологии. Появились концепции деидеологизации. Однако стоит заметить, что роль идеологии в обществе не снизилась. Идеологическое сохраняется, но в новых формах организации. Претерпел серьезные изменения сам способ ее существования. «Идеология была демонтирована более как официальная риторика, система институтов и символов, чем как глубоко укорененная сборка идей и представлений» [4. С. 107], и именно этот момент необходимо учитывать, анализируя взаимоотношения политической идеологии и коллективной исторической памяти.

В понятии «идеология» содержатся три основных значения: теория, ценность и интерес. Любая политическая идеология воплощается в теоретической модели или определенной когнитивной схеме, которая появляется как результат концептуализации социального и исторического опыта, осуществленный профессиональными политиками, идеологами и философами. Она представляет собой особый вид познавательной деятельности, связанный с построением знания о социальной реальности. Специфика идеологического процесса познания заключается в том, что это не отражение, а активное построение образа действительности – конструкт с его особого назначения интерпретацией. Он «представляет собой архив суггестивных образов, призванных влиять на верования, чувства, мнения и управлять ими» [1]. Таким образом, существенными характеристиками идеологии являются ее способность конструировать представления о социальной реальности в целях ее изменения и возможность эффективно воздействовать на коллективное сознание с целью внушения ему желательных установок и поведенческих актов, которые не осознаются и часто противоречат его воле.

Однако идеология – это не только теоретическая схема идей и убеждений, а еще и способ проектирования социально-политических действий, это программа, прагматически направленная на изменения того, что есть. Стремление идеологии к изменению может быть направлено на реформирование существующей социальной реальности, а может предполагать ее революционный слом. При любом из возможных сценариев устремления идеологии

направлены в будущее. Поэтому любая идеология, помимо теории, включает программу политических действий, направленных на трансформацию существующей реальности – утопический проект будущего, из чего можно заключить, что в политической идеологии акцент чаще всего смещен с конструирования теоретических положений к социальным действиям.

Идеологические программы предполагают в качестве обязательного условия наличие системы ценностей, побуждающей широкие массы своих приверженцев к действию. В этих системах обязательно имеет место ценностное отношение к знаковым для нации историческим событиям. Как писал Альтюссер, идеология может быть превращена «в орудие рефлексивного воздействия на Историю» [5. С. 330]. Ретроспективный взгляд в прошлое для идеологии представляет собой, в первую очередь, исходный материал для конструирования своей собственной предистории с целью «исторического» обоснования закономерности своего появления. Давно забытое коллективным сознанием историческое событие может быть реанимировано и использовано идеологами для своих целей. «Идеологически правильные» мертвые будут вырваны из исходного контекста: надгробия их могил будут перенесены <...> Памятники будут собраны в специальных мемориальных пространствах, эдаких „потемкинских деревнях“ для мертвых, за фасадами которых не будет никакого содержания» [6. С. 175]. Таким образом, для идеологии историческое прошлое становится «подручным материалом», из которого она конструирует свои идеи и принципы. В идеологии оценка прошлого может меняться в зависимости от целей его использования. Из определенного видения исторического прошлого нации идеология выстраивает технологии достижения будущего.

Выстраиваясь в виде ментальных конструкторов (идеологем), идеологические программы способны руководить поведением широких масс и формировать как идентичность нации, так и отдельного субъекта. Идеологии создают привлекательные для широких масс идеи и образы, «помещая в них, как в капсулы, наши представления о важном, значимом и порождая таким образом циркуляцию в обществе весьма предсказуемых идей и впечатлений» [1]. И, наконец, политическая идеология определяется парадигмой, основанной на интересах конкретных социальных групп. В ней артикулирован групповой интерес: классовый, национальный, корпоративный.

В отличие от политической идеологии коллективная историческая память не представляет собой стабильной теоретической модели. Это живая динамическая система, находящаяся в постоянном процессе эволюции. Она открыта диалектике запоминания, сохранения информации и ее забвения. Коллективная память, согласно Хальбваксу, подвержена двойному процессу трансформации: она одновременно формируется и деформируется. На этом основании Хальбвакс обращает внимание, что существование коллективной памяти протекает по своим, отличным от автобиографической памяти законам, которые требуют специального изучения.

Одним из специфических проявлений в работе коллективной исторической памяти является синдром «запаздывающей памяти», описанный М. Хальбваксом. В его основе лежит механизм забвения или вытеснения на некоторое время (от 10 до 30 лет) воспоминания о недавнем совместно пережитом опыте, который сильно травмировал коллективное сознание. Пока жи-

вы очевидцы и участники этих событий, критическое переосмысление и нравственная рефлексия прошлого, как правило, невозможны. Значимость исторического события становится очевидной для коллективного сознания только благодаря возникающей временной дистанции, которая позволяет критически переосмыслить прошлое. Нравственная рефлексия последующих поколений может привести не только к тому, что событие получит статус позитивного и сакрального, но и к полной конфронтации с родительским наследием. «С одной стороны, коллективная память может не включать события, которые сыграли важную роль в жизни членов сообщества (как, например, память о Второй мировой войне в Японии). С другой стороны, социально и географически отдаленные события могут быть приближены в целях самоидентификации группами людей, которые не были их непосредственными участниками (как в случае с памятью о Холокосте)» [7. Р. 192].

Как создаются коллективные представления о прошлом? Всегда ли они являются результатом воздействия официальной идеологии или могут формироваться независимо от ее воздействия и выступать в конфронтации с ней? В отличие от идеологии, которая целенаправленно конструируется профессиональными философами и политиками, память возникает тогда, когда историческое прошлое передается путем живого рассказа от представителя одного поколения другому. Коммуникативная природа коллективной памяти порождает эмоциональную вовлеченность в прошлое. Живой рассказ пробуждает у представителей следующего поколения интерес к событиям, свидетелями которых они не могли быть, и позволяет преодолеть чуждость исторического прошлого. Таким образом, коллективная историческая память – это поколенческая память, она соединяет поколения, обеспечивая «переход от выученной истории к живой памяти» [3].

Различия между коллективной памятью и идеологией очевидны. Коллективная память включает в себя исторические воспоминания как о триумфальных победах нации, так и о ее постыдных поражениях, связанных с кровавым насилием, поэтому это понятие получает этические коннотации, связанные с нравственной оценкой и переосмыслением национальным самосознанием своего прошлого. Воспоминания о коллективном историческом прошлом формируются под воздействием четырех основных переживаний совместного опыта: гордости, стыда, вины и страдания. Коллективная историческая память необходима, в первую очередь, для формирования национальной идентичности, поскольку «память ценят там, где существуют проблемы с идентичностью» [7. Р. 193].

Коллективная историческая память, в отличие от идеологии, фиксирует всеобщее признание определенной трактовки исторического события большинством сообщества (социальной группой или нацией в целом). Для нее характерно такое свойство, как конвенциональность воспоминаний. Поскольку коллективная память основана на ресурсе совместно опыта и знаний, воспоминания, сохраняемые в ней, «не всегда бывают собственными: они передаются другим и становятся воспоминаниями из вторых, третьих, четвертых рук» [8]. В процессе неоднократно повторяемого рассказа о прошлом происходит не только передача пережитого коллективного опыта, но и присвоение его представителями следующих поколений. Для того чтобы заимствованные воспоминания слились с личными, необходимо, чтобы они сочетались с тем

эмоциональным переживанием, которое испытывает человек по отношению к тем времени и событиям, о которых он слышит рассказ. Кроме того, в коллективной памяти, в отличие от политической идеологии, всегда имеет место конкуренция нескольких версий прошлого. Одни версии могут доминировать над другими, но другие тоже сохраняются. Для коллективной исторической памяти характерен объяснительный плюрализм, которого не может быть в идеологии.

Одним из важных вопросов, требующих пристального внимания, является тема искажения фактов об историческом прошлом. Искажения присутствуют как в коллективной исторической памяти, так и в идеологических конструктах. Однако механизм этих искажений различный. Идеология реконструирует исторические события исходя из тех принципов и мировоззренческих позиций, которые считает верными и не подвергает их процедуре гносеологической верификации. Как теоретическая система идеология включает в себя одновременно с достоверными знаниями об историческом прошлом и целенаправленно искаженные представления, которые смещают акценты и меняют оценки событий и деятельности политических лидеров. «Имеется в виду фабрикация таких текстов, в которых крупинцы истины тонут в море сознательного обмана» [8]. Комплекс идеологом, подкрепленных емкими образами прошлого, позволяет создать канал, сообщающий личность и социум, гармонизирующий их отношения в рамках единства целей и задач развития. Прошлое, таким образом, становится для идеологии инструментальным, открывающим возможности для манипуляций сознанием, мотивацией и оценками широких масс.

Механизм работы коллективной памяти связан не только с сохранением воспоминаний, но и с абберациями памяти, которые приводят к бессознательным искажениям воспоминаний. Бессознательные искажения воспоминаний обусловлены, с одной стороны, высокой эмоциональной значимостью события, с другой – многократной повторяемостью рассказа о нем. В процессе неоднократного воспроизведения воспоминания происходят постоянные дополнения рассказа вымышленными деталями. При этом чем выше степень значимости воспоминания, тем больше оно претерпевает существенных трансформаций и дополнений. В этом и заключается парадоксальность коллективной памяти.

Процесс искажения (аббераций памяти) происходит по следующей схеме: неизменно в процессе рассказа вызванное воспоминание фиксируется в памяти каждый раз в новом качестве. Оно обогащается новыми нюансами и корректируется в зависимости от контекста ситуации, в которой имело место воспоминание. Таким образом, формула памяти может быть представлена следующим образом: воспоминание – это каждый раз событие плюс воспоминание о том, как и при каких обстоятельствах его вспоминали.

Нарративы о коллективно пережитых исторических событиях, связанных с большой степенью травматичности, обладают способностью оказывать сильное эмоциональное воздействие на коллективные воспоминания, приводя их к тому стандарту, в котором их помнит большинство. Именно поэтому, когда речь идет о коллективных воспоминаниях, связанных с серьезными историческими потрясениями, можно наблюдать феномен стандартизации комплекса воспоминаний, присутствующих в социуме. Создается обманчивое

впечатление, что все участники событий в этот период имели один и тот же опыт. В коллективной памяти образ должен быть упрощен. Коллективная память – это унифицированная конструкция – упрощение, редукция события до мифических архетипов. Следовательно, нарратив трансформируется в миф.

В процессе социальной коммуникации внутри коммеморативных сообществ происходит длительный обмен историями. Рассказы модифицируются и «переписываются» до того момента, пока у большинства членов группы не окажется идентичного набора одинаковых историй. Эти истории могут быть основаны на отдаленно схожем личном опыте, но в деталях оказываются «ложными» – сконструированными воспоминаниями, сформированными не собственным опытом, а скорее коммуникативным обменом. Чем более удалено событие, тем стабильнее и статичнее воспоминание о нем. Воспоминание удаленного во времени события имеет более завершенный характер и уровень рефлексивности.

Идеологические программы основаны на допущении, что условия, которые определяют социальную реальность, могут быть изменены, если сознательно и целенаправленно воздействовать на содержание коллективного сознания, в том числе и исторического. При формировании идеологических конструктов, необходимых для поддержания национальной идентичности и консолидации общества, исторические события порой извлекаются «из нафталина» или просто выдумываются. Эти исторические воспоминания базируются на основаниях, созданных задним числом. Иногда тот или иной исторический миф, сконструированный идеологами, может быть абсолютно иррелевантен для коллективной идентичности.

Коллективная память способна к самоорганизации под влиянием семьи, религии и социальной группы. Она конституирует систему социальных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям. «Воспоминание полностью превратилось в свою собственную [человека или общества] тщательную реконструкцию» [9. С. 29]. Реконструкция «общего прошлого» – это процесс восстановления и обновления отношения к историческому событию, его актуализация в свете происходящего настоящего. Таким образом, в отличие от идеологии, которая в своих проектных суждениях конструирует то, чего в мире еще нет (идеи, концепции, убеждения и т.д.), коллективная память скорее реставрирует, воспроизводит воспоминание в новом качестве. Память, в отличие от идеологии, ретроспективна, ее вектор направлен не в будущее, а в прошлое.

Когда идеология действует как дискурс, поддерживающий власть, коллективная память оказывается объектом манипуляции. В данном случае появляется опасность отождествить коллективную память с официальной памятью, которую П. Рикер определяет, как «навязанную», подкрепленную самой «дозволенной» историей – историей официальной. Формирование этой памяти связано с обучением и принудительным запоминанием дат, событий и исторических лиц. «Преподанная история, история, которой обучают, но также и история восславленная. К принудительному запоминанию прибавляются и мемориальные церемонии, поминания, установленные общим соглашением. Таким образом, между припоминанием, запоминанием и поминанием заключается несущий в себе опасность пакт» [10. С. 125]. Таким образом, между

официальной (публичной) памятью, легитимированной в обществе, и памятью частной, сохраняемой в семьях и малых социальных группах, может иметь место противоречие, переходящее в конфликт. Публичная память формируется системой образования, политикой и дидактикой мемориальных комплексов. В современных обществах можно наблюдать «конфликты воспоминаний», которые зачастую связаны с тем, что свидетели событий помнят о них не так, как о них принято говорить в официальной истории. У свидетелей, в силу удаленности события, уже сформировалось эмоционально кодированное представление, которое не может быть изменено за счет информации, полученной в настоящее время. Коллективная историческая память может привести «...к войне, а не к миру... и к решимости скорее отомстить, чем посвятить себя тяжелой работе прощения» [11. Р. 27].

Проделанный категориальный анализ позволил аргументированно показать, что в современном социально-философском дискурсе не произошло подмены понятия «идеология» концептом «коллективная историческая память». Несмотря на то что коллективная историческая память и идеология понимаются как социальные конструкты с элементом деконструкции и имеют ряд общих черт, понятие «коллективная историческая память» обладает существенными признаками, позволяющими использовать его в качестве самостоятельного, обладающего теоретической и эвристической ценностью. В отличие от идеологии, которая представляет собой относительно устойчивый и долговременный конструкт, память нестабильна, изменчива, способна к самоорганизации воспоминаний о прошлом. И идеология, и память искажают память о прошлом. Однако механизм этих искажений различный. Несмотря на то что коллективная память формируется в том числе официальной идеологией и системой образования, по своему содержанию она чаще всего не совпадает с тем, что ей принудительно навязывается извне, поэтому между коллективной памятью и официальной идеологией могут иметь место противоречия, приводящие к конфликтам.

Литература

1. Зонтаг С. Когда мы смотрим на боль других // Индекс/Досье на цензуру. 2005. № 22. URL: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (дата обращения: 01.08.2020).
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 01.08.2020).
4. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации // Философия и идеология: от Маркса до пост-модерна / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов ; сост. А.В. Рубцов. М. : Прогресс-Традиция, 2018. С. 98–129.
5. Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // За Маркса. М. : Праксис, 2006. С. 311–343.
6. Мэрридейл К. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 512 с.
7. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. Vol. 41, № 2. P. 179–197.
8. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 01.08.2020).
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
10. Рикёр П. Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.

11. Rieff D. In Praise of Forgetting. Yale University Press, 2016. 160 p.

Nataliya S. Korniyushchenko-Ermolaeva, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nskorn@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 64–73.

DOI: 10.17223/1998863X/60/7

IDEOLOGY VERSUS COLLECTIVE HISTORICAL MEMORY? TO THE HISTORY OF DISCOURSE

Keywords: collective historical memory; official memory; conventionality of memories; national identity; memory aberrations.

Collective perceptions of the historical past and their assessment are an integral part of any culture. By transmitting historical experience from generation to generation, collective historical memory is the basis for the formation and preservation of national identity, especially in times of serious social upheavals and transformations. The study of collective historical memory is the focus of modern social and humanitarian knowledge. Despite the fact that the concept “collective historical memory” has thoroughly entered the socio-philosophical and political discourse in the second half of the twentieth century, one can find quite a lot of uncertainties and disagreements related to its content and use. In modern socio-philosophical discourse, there is a skeptical attitude to its use. Some researchers declare this concept a metaphor, a fiction, a meaningless construction, and claim that the concept of collective historical memory has replaced the concept “ideology”. According to the author, the concept “collective historical memory” has its own semantic content and essential features, and can be used as an independent concept. As a semantic concept, it does not replace the concept “ideology”, it has theoretical and heuristic value. Collective historical memory is the ability of social groups and the nation as a whole to symbolically reconstruct collectively significant historical events in the collective memorization and oblivion, giving them a certain value-based interpretation. According to the author, collective historical memory as a living dynamic system exists according to its own laws, different from individual memory. The most unique laws that require philosophical reflection are: 1) the “delayed memory” syndrome; 2) the conventionality of memories; 3) the specific mechanism of memory distortion; 4) the communicative and generational nature of collective historical memory. An important aspect of understanding collective historical memory should be the problem of manipulation of memory by official ideology, as well as the problem of contradictions and conflicts between memory preserved in families and small social groups and official (public) memory. According to the author, the significant differences between collective historical memory and ideology allow us to show that there was no substitution of concepts in modern discourse, which is explained by the paradigm shift from deideologization to collective memory.

References

1. Sontag, S. (2005) Kogda my smotrim na bol' drugikh [When we look at the pain of others]. *Indeks/Dos'ya na tsenzuru*. 22. [Online] Available from: <http://index.org.ru/journal/22/index.html> (Accessed: 1st August 2020).
2. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
3. Halbwax, M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovenny zapas*. 2–3(40–41). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed: 1st August 2020).
4. Rubtsov, A.V. (2018) Illyuzii deideologizatsii [Illusions of deideologization]. In: Guseynov, A.A. & Rubtsov, A.V. (eds) *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodern]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 98–129.
5. Althusser, L. (2006) *Za Marksa* [For Marx]. Translated from French. Moscow: Praxis. pp. 311–343.
6. Merridale, K. (2019) *Kamennaya noch'. Smert' i pamyat' v Rossii XX veka* [Stone Night. Death and memory in the 20th-century Russia]. Translated from English. Moscow: AST: CORPUS.
7. Kansteiner, W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41(2). pp. 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198

8. Welzer, H. (2005) Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo [History, memory and modernity of the past]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. 2(40). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (Accessed: 1st August 2020).

9. Nora, P. (1999) Problematika mest pamyati [Problems of places of memory]. In: Nora, P., Aussouf, M., Puimège, G. de & Vinok, M. *Frantsiya-pamyat'* [Realms of Memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petesburg State University. pp. 17–50

10. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat'. Istoriya. Zabvenie* [Memory. History. Oblivion]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.

11. Rieff, D. (2016) *In Praise of Forgetting*. Yale University Press.